

Уроки Будды Майтрейи

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Вечером, когда закончились тренировки, прошел ужин, и Цитадель Птиц затихла, Сонгцэн отправился в Храм Будды, чтобы подумать о том, что все еще занимало его мысли почти круглосуточно, становясь поистине навязчивой идеей. Начался сильный ливень. Потоки воды обрушивались на черепичные крыши монастырских построек, стекали в резервуары, бежали по мосткам и падали дальше вниз в долину, пронизывая обитель буквально насквозь. Свет тусклых ламп был едва различим за этой стеной дождя. А звезды и Луна были надежно скрыты за тяжелыми тучами.

К тому моменту, когда принц Кобр добрался до входа в храм, он успел промокнуть до нитки. Сонгцэн мог высушить одежду с помощью магии Огня, но выбрал более сложный для себя путь. Он сосредоточился на энергии Сваттхистханы и постарался как можно лучше ощутить ту воду, что пропитывала его тренировочную форму. Эта вода сначала медленно и нехотя стала собираться между ладоней Сонгцэна, но затем дело пошло лучше, и одежду удалось высушить полностью. Принц Кобр позволил собранной воде стечь по широким каменным ступеням храма, затем поклонился перед входом, сложив руки в молитвенном жесте. Ему казалось, что это место его ждало и подготовило ответы на его вопросы.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Он зашел в здание и встал на колени перед сияющим нарядным изваянием Будды Майтрейи, Будды будущего. Сонгцэн коснулся сложенными руками лба, губ и сердца и поклонился снова, затем взял одну из лавочек для молитв и сел напротив статуи. В помещении горели свечи и курились благовония. Сильно пахло сандалом и иланг-илангом, у стоп Будды стояли букеты свежих цветов. Монахини поддерживали праздничное убранство и идеальную чистоту в этом молитвенном зале, пол которого был заметно истерт стопами и коленями тех, кто возносил здесь свои молитвы Великому Учителю.

Сонгцэн чувствовал сердцем, что это был один из тех храмов, где душа раскрывается навстречу высшей мудрости, и где вера является источником радости и дает ясность. Наверняка многие, кто нашел свой путь в этом монастыре, чувствовали нечто подобное, оказавшись в этом помещении. Дух великого Учителя давал здесь ощущение покоя, принятия, защищенности и доброжелательного участия. Как добрый и справедливый наставник смотрит за тем, как ты делаешь первые шаги в изучаемой дисциплине и, заметив ошибки и поправляя их, добавляет «молодец, у тебя почти получилось».

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн просил великого Учителя дать ему мудрости, чтобы пройти выбранный путь к сдаче испытаний в кланах до конца. Чтобы не роптать, даже когда почти или совсем не видно успехов, а покорно идти шаг за шагом в том направлении, которое было для принца Кобр единственно верным. Нужно было подготовиться к экзамену и сдать его на должном уровне. Получить статус воина клана и право носить оружие. А после этого добиваться признания как члена королевской семьи. Сонгцэн

посмотрел на просветленный лик Будды. Можно ли было надеяться, что путь станет проще? Нет, потому что жизнь наполнена страданиями, в этом её суть. Причина страданий заключалась в желаниях, чем их больше, тем больше страдания. Желание сдать экзамен, желание стать сильным, желание доказать.

Отчасти Сонгцэн был загнан в угол своими амбициями, он сам выбрал сложный путь, который показался ему достойным пути принца, а теперь роптал, что дорога оказалась длиннее, чем он ожидал. А теперь стоило отречься от собственного чрезмерно амбициозного «я» и слушать путь, а не идущего. Потому что до тех пор, пока желание быстрее сдать экзамен было связано не с благополучием кланов, а с тем, чтобы, в первую очередь, доказать собственную исключительность, неудачи воспринимались как личное поражение. Они заставляли топтаться на месте, или рваться вперед, сломя голову, и совершать ошибки вместо того, чтобы шаг за шагом продвигаться вперед так, как положено. Неудачи для Сонгцэна становились слишком личными, они прилипали к нему ярлыками «я слишком слаб», «я недостаточно хорош», «я упустил подходящее время», «я много ошибаюсь», и эти ярлыки становились забором, который выстраивался на пути к цели.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Этот очевидный ответ почему-то пришел Сонгцэну в голову только сейчас. Он должен был думать о кланах, готовясь сдать экзамены, и воспринимать все сложности подготовки как части пути, а не как личные поражения. Путь должен был сам вести его, не путник прокладывает выбранную тропу, но тропа указывает ему, куда обратить стопы. Даже если этот путь еще не проторен, была его идея, которая все равно была реальнее амбиций одного человека.

Но важным было даже не это. За первым испытанием придут новые, экзамен на право носить оружие был лишь ступенью к пути воина клана, а дальше начинались другие задачи. Более сложные, связанные не только с личными амбициями, но и с жизнями других людей. И там было еще важнее отбросить личные амбиции, желание показаться не глупее Чжуге Ляна и не слабее Гуань Юя могло привести к неисправимым ошибкам. А когда-нибудь должен был прийти день, когда Сонгцэну предстояло взойти на престол, и там личные амбиции могли сделать его тираном, считающим, что он лучше всех знает, как правильно. Но у него не было талантов Циня Шихуанди, да и тот добился своей цели очень высокой ценой, уплаченной объединенными им народами.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн смотрел на себя со стороны. На молодого мальчишку, который еще ничего толком не знал и не умел, но уже слишком высоко задирал нос. Который снисходительно рассказывал знакомым о том, что он – принц своего клана, и что он точно знает, как сделать так, чтобы всем стало лучше. Который твердил себе, что создаст какой-то другой, более правильный миропорядок. Ему не удалось за год достичь мастерства в магии Воды, к которому даже прирожденные маги этой стихии шли годами, и он уже начал роптать, что выбрал сложный путь.

Он был слишком нетерпелив, и выбранная им для экзамена магия Воды оказалась сдерживающим фактором, не позволившим взять оружие тому, чья голова была для этого слишком горячей. Сонгцэн улыбнулся своим мыслям, он чувствовал, что

сейчас осознает то, чего ему не доставало для верного понимания пути. Он был благодарен Будде будущего времени за эти ответы. А тот смотрел выше его головы, и лицо его озарялось спокойствием, известным лишь Просветленным.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Мир иллюзорен. Иллюзорны люди, их мысли, их действия, причины и следствия. Мир находился в глазах смотрящего и существовал в дхарме, иллюзорность которой не у всех вызывала сомнения. Кланов Королевских Кобр и Белых Тигров существовали в этой вселенной не сами по себе, они были вписаны в канву пространства и времени, они были связаны с Линь Ян Шо и Цитаделью птиц, воевали с Асакой и другими противниками и должны были двигаться по своему пути, по которому их должны были вести те, кто был достаточно разумен, чтобы думать их интересами, а не своими. Не корыстью и не честолюбием, лишь готовностью к самоотречению ради более высокой цели.

С пониманием сути служения, а не сути управления, когда на их челе оказывался венец правителя. Как дед был готов пожертвовать жизнью отца ради мира между кланами. Потому что для него не могло быть личных целей, стоявших выше благополучия его народу. Как мать ради этого была готова принести в жертву собственную жизнь, выкупив этой ценой жизнь кровного врага, лишь бы только остановить войну. Их пути сошлись, чтобы сейчас Сонгцэн мог искать ответы, что были верными для него, и он не должен был подвести судьбу, переоценив себя и поставив свои амбиции слишком высоко. Он был карликом, что шел по пути, обозначенной великанами.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

С самого рождения Сонгцэн рос с осознанием собственной исключительности. Что брак его родителей положил конец войне между кланами, что он – наследный принц Королевских Кобр, владеющий способностями Белых Тигров. Его ненадолго смутил львиный звериный облик. Но потом и его он стал рассматривать как козырь. Забывая, что с того, кому больше дано, больше и требуют. И он должен был принять выпавшие ему привилегии, если они таковыми являлись, с буддийским смирением. Не нести их как драгоценную корону, а думать, что он должен сделать, чтобы это доверие судьбы оправдать.

Сонгцэн долго сидел перед статуей Будды Майтрейи, проговаривая все эти мысли и ища те ответы, за которыми он обратился к Великому Учителю. Была уже глубокая ночь, когда он опустился на колени перед статуей, зажег Будде благовония, а затем снова коснулся сложенными руками лба, губ и сердца перед тем, как покинуть храм. Сонгцэн шел к жилому корпусу с легким сердцем. Он смог осмыслить то, что не давало ему покоя. От него требовалось не только терпение и усердие, ему было важно вспомнить о смирении и довериться пути, что ему выпал.
